

СЕСТРЫ ИЗ АЛЬБАНО

Альбано плещет меж соседних скал;
Вот Тибр сверкает лентой предо мною,
И омывает моря синий вал
Брег Лациума дальний... Песнь про Трою
Там загорелась яркою звездой.
Направо вилла: Туллий находил
В ней тишину, наскучив суетою.
А там, где кряж полнеба обхватил,
Измученный поэт в прелестной мызе жил*.

В последнюю свою поездку перед тем, как покинуть Рим, я захотела взглянуть на это прекрасное озеро. Весна уже переходила в лето: деревья облеклись свежей зеленой листвой, и пел виноградарь, что, пробираясь между ними, подрезал лозы; цикады еще не завели свою песнь — а значит, не пришло время удушающей жары; но вечерами в холмах мерцали светляки, и крик азиолы** убеждал нас в том, в чем в этой стране нет нужды сомневаться — что завтра погода будет не хуже, чем вчера. Выехали мы ранним утром, чтобы избежать зноя, позавтракали в Альбано и с десяти часов утра делили время между мозаиками, Виллой Цицерона и другими достопримечательностями здешнего края. В середине дня мы устроились на отдых в шатре, раскинутом для нас на вершине холма. Отсюда

* Джордж Байрон. Чайльд-Гарольд. Песнь четвертая. Перевод С. Ильина. — *Здесь и далее, если не оговорено иначе, примеч. пер.*

** Сова (*ит.*). Выразительному голосу азиолы посвящено стихотворение П. Б. Шелли «Азиола».

открывался вид на окруженное холмами озеро и городок с церковью на дальнем его берегу. По склонам гор рассыпались деревушки и отдельные домики; а позади всего этого фоном раскинулось глубокое синее море, воспетое южными поэтами; Тибр, неутомимый и бессмертный, катил в него свои быстрые воды и растворялся в его глубине. Пал Колизей, рухнул Пантеон, и сами холмы Рима сгладило время — но Тибр все живет, все течет и вечно питает собою Средиземное море.

Компания у нас, искателей диковинок, собралась немаленькая, но более всех заинтересовала меня графиня Атанасия Д., прекрасная, как создание Рафаэля, и добросердечная, как идеал поэта. С ней были двое ее детей, в коих благовоспитанность сочеталась с веселостью, хорошие манеры — с любопытными взглядами. Я села с нею рядом, и мы вместе следили за нескончаемым бегом теней по холмам. Солнце, опускаясь к горизонту, пролило в долину озера поток света и жидким золотом окрасило глубокую расщелину между гор. Пылали и сверкали купола и башни городка, деревья купались в сиянии; два-три легких облачка, столь пронизанные светом, что, казалось, сами состояли теперь из солнечных лучей, золотистыми островками плыли в блистающих эмпиреях. Воды, отражающие сияние небес и тронутые лучами берега, сверкали у наших ног, словно второе небо и вторая земля. Средиземное море, взирающее на солнце — так туманятся глаза невесты, когда она ловит взор жениха, — впитывая его свет, забыло о себе и смешалось с солнцем так, что стало с ним единым целым. Долго смотрели мы — и души наши, как море, и холмы, и озеро, впивали в себя эту дивную красу: но наконец чаша переполнилась, и мы со вздохом отвели взоры.

У подножия холма простиралась полоска земли, образующая ближний план пейзажа: здесь высились на

фоне неба два дерева, залитые золотистым светом, что, казалось, каплями росы повис на их листьях и ветвях; с другой стороны закрывала вид скала, увитая плющом и украшенная цветущим миртом; меж огромных камней пробирался ручей, а на берегу его, на обломках скалы, сидели двое или трое крестьян, привлечших наше внимание. Один был охотник — на это указывало его ружье, прислоненное к уступу неподалеку; однако грубая соломенная шляпа и живописный, но бедный костюм свидетельствовали о том, что он принадлежит к земледельческому сословию. Другая — *contadina** в обычном для этой местности костюме с корзинкой на локте — возвращалась из деревни в свой уединенный домик. Они рассматривали товары коробейника, что, сняв шляпу, стоял перед ними, — в основном картинки с местными видами, изображения Мадонны и печатные издания. Наши крестьяне разглядывали все это с неподдельным интересом.

— Об этой паре легко сочинить историю, — заметила я. — Путь воображению укажет ружье: допустим, перед нами разбойник, гроза здешних мест, и его возлюбленная *contadina* — и лишь ей, самому беззащитному созданию на свете, он не страшен...

— Вы так легко говорите о подобной связи, — отвечала прелестная графиня, — словно она по самой природе своей не должна приводить к ужасным трагедиям. Любовь и преступление — такое сочетание сулит только горе: незаконная жизнь неизбежно приносит и самому преступнику, и всем, кто с ним связан, невыразимые несчастья. Я говорю об этом с таким чувством, ибо ваше замечание напомнило мне об одной злополучной девушке, ныне сестре милосердия в римском монастыре Санта-Кьяра, чья пагубная страсть именно к такому

* Крестьянка (*ит.*).

человеку, как вы упомянули, навлекла величайшие беды на всю ее семью.

Я стала упрашивать мою прелестную приятельницу, чтобы та поведала мне историю этой монахини. Долго она противилась моим уговорам, не желая омрачать удовольствие от поездки этой скорбной историей. Но я не отставала, и она согласилась. Нежная итальянская речь ее и сейчас звучит у меня в ушах, прекрасное лицо стоит перед глазами. Пока она рассказывала, село солнце, и по оставленному им сияющему следу выплыл в небеса серп месяца. Озеро сделалось из пурпурного серебристым, и деревья, еще недавно сияющие, теперь превратились в неясные темные тени: лишь верхушки их слабо серебрила луна. Меж камней замелькали светлячки, над головами у нас проносились летучие мыши, а графиня Атанасия рассказывала свою историю.

У монахини, о которой я поведу речь, была старшая сестра. Я помню обеих: детьми они носили яйца и фрукты на виллу моего отца. Мария и Анина были неразлучны. В широкополых соломенных шляпах, защищающих от палящего солнца, день-деньской трудились они на *podere** своего отца; а вечерами, когда Мария, четыремя годами старше, шла к источнику за водой, Анина всегда бежала рядом. Их хижина — отсюда ее не видно за холмом — находится на дальнем берегу озера, а источник, о котором я говорю, примерно в четверти мили выше по склону. Мария была тихой, серьезной, задумчивой; Анина — очаровательным веселым созданием с ангельским личиком. Когда старшей сестре исполнилось пятнадцать, слегла их мать: за ней ухаживали в монастыре Санта-Кьяра в Риме. День и ночь Мария не отходила от постели больной. Монахини видели в девушке ангела,

* Владение, земельный участок (*ut.*).

она почитала их святыми; мать ее умерла, и монахини убедили Марию к ним присоединиться; отец ее не мог не одобрить такого святого намерения, и Мария сделалась одной из сестер милосердия, монахинь, ходящих за больными в Санта-Кьяре. Раз или два в году она бывала дома, давала мудрые и добрые советы Анине — и порой плакала, прощаясь с нею; но благочестие и неустанная забота о больных примиряли ее со своей судьбой. Анина еще более горевала о том, что лишилась общества сестры. Другие девушки в деревне не были ей интересны: она была хорошей дочерью, неустанно трудилась в отцовском доме, и лучшей наградой для нее становилось, когда отец расхваливал ее в письмах Марии, и та, приезжая, осыпала сестру нежными похвалами и ласками.

Вплоть до пятнадцати лет Анина не выказывала ни малейшего охлаждения к сестре. Впрочем, неверно здесь говорить об охлаждении: любила Анина сестру, быть может, еще сильнее прежнего, но теперь ее святое призвание и мудрые наставления лишали ее покоя, и Анина трепетала при мысли, что монахиня, преданная Небесам и благим деяниям, способна прочесть в ее глазах — и осудить — охватившую ее земную страсть. Быть может, отчасти ее тревога была связана со слухами, ходившими в окрестностях о ее возлюбленном, и несомненно, — с тем неодобрением, даже неприязнью к нему, что часто выражал ее отец. Несчастливая Анина! Не знаю, умеют ли крестьяне у вас на севере любить так, как наши: но ее любовь была сплетена с корнями ее существа, стала ею самой — она могла умереть, но не могла перестать любить. Отец ее за что-то невзлюбил Доменико, и потому они встречались втайне. Юноша всегда ждал ее у источника, помогал наполнить кувшин водой и поставить на голову. Он ходил на те же церковные службы, что и она; а когда отцу ее случалось отправиться в Альбано, Веллетри или в Рим, Доменико, словно каким-то чутьем уга-

дывая, что он отлучился, в тот же миг присоединился к ней в podere и работал там вместе с ней и за нее, пока старик не показывался вдалеке на склоне холма. Доменико уверял, что батрачит на одного contadino* в Неми. Порой Анина спрашивала себя, как позволяет ему работа столько времени проводить с ней; но объяснения его были вполне правдоподобны, а встречи слишком радостны, чтобы невинная девушка что-то заподозрила и начала доискиваться до истины.

Бедный Доменико! Слухи, ходившие о нем в округе, были, увы, слишком обоснованны. Оправдывало его разве только то, что грабежом промышлял и его отец, и Доменико вырос среди разбойников. По натуре он не был пропащим — он мечтал о мирной жизни и чистой совести. Впрочем, едва ли можно сказать, что совесть его была нечиста; никакими ужасными преступлениями он себя не запятнал. И все же он был преступником, бандитом; и теперь, когда полюбил Анину, названия эти ядовитыми стрелами жалили его совесть. Хотел бы он бежать от своих товарищей как можно дальше — но разве мог он бросить Анину? На беду как раз в это время французское правительство, в те годы владевшее Римом, учредило здесь полицию, а та начала бороться с бандитами. Ходили слухи, что против разбойников, обитающих на холмах близ Альбано, Веллетри и Неми, вот-вот будут приняты самые серьезные меры, и это заставило разбойничьи шайки сплотить свои ряды. Доменико, если бы и мог — не бросил бы товарищей в минуту опасности.

Однажды — было это в конце октября — Анина вместе с отцом вышла на festa** — праздничные гуляния, когда по всей Италии поселяне собираются и ходят толпой по деревне. Вокруг только было и разговоров,

* Крестьянин (*ит.*).

** Праздник (*ит.*).

что о ladri* и о французах: рассказывали немало ужасов об истреблении banditti** в Неаполитанском королевстве, подробно описывали меры, при помощи которых французам удалось преуспеть в этом предприятии. Армейские отряды прочесывали местность, разоряли одно бандитское логово за другим, выкуривали оттуда разбойников, гнали их, как в этих краях гонят диких зверей на охоте, и, постепенно сужая круг, запирали в одном месте. Затем вокруг этого места выставляли кордоны и тщательнейшим образом его охраняли; местным жителям под страхом немедленной смерти запрещалось ходить туда и особенно носить провизию. Поскольку эта угроза неуклонно выполнялась, скоро осажденные бандиты начинали страдать от недостатка пищи, и голод принуждал их сдаться. Со дня на день французов ждали и здесь — их уже видели в Велетри и в Неми; в то же время говорили уверенно, что несколько разбойников укрылись в Рокка-Джоване, брошенной деревушке на вершине одного из соседних холмов — и, должно быть, там и будут скрываться от облавы.

На следующий день, когда Анина работала в podere, по дороге, что отделяла их садик от озера, проскакал конный французский отряд. Любопытство заставило французов обратить внимание на девушку; красота ее не могла ускользнуть от их взглядов. Шутки и комплименты скоро заставили ее бежать: ведь любящая женщина посвящает себя любимому безраздельно, и восхищение из чужих уст кажется ей осквернением святыни. Анина пожаловалась на бесстыдство французов отцу; тот отвечал: слава богу, что они приехали, теперь-то разберутся с разбойничьими бандами, шныряющими по округе.

* Воры (*ит.*).

** Разбойники (*ит.*).

Тем же вечером, подходя к источнику, Анина боязливо озиралась по сторонам и надеялась, что встретит Доменико на привычном месте: вспоминая о французах, она не чувствовала себя в безопасности. В этот раз она пришла за водой позднее обыкновенного, а вечер был пасмурный и темный: ветер завывал в ветвях и клонил даже величественные кипарисы, высокие волны гуляли по озеру, и над вершинами холмов клубились, довершая мрачный пейзаж, темные, бесформенные грозовые тучи. Анина торопливо шла вверх по горной тропе. Наконец ей открылся источник, бьющий из грубо отесанных камней — и над ним Доменико: он стоял, прислонившись к скале, гордо скрестив руки на груди, шляпа надвинута на глаза, с плеч спадает *tabaco**. Увидев Анину, он бросился к ней: слова его были отрывисты и несвязны, но никогда прежде он не взирал на нее с такой пламенной любовью, никогда не умолял ее остаться подольше с такой страстной нежностью.

— Как я рада, что ты здесь! — воскликнула она. — Я боялась встретить кого-нибудь из этих французских солдат; они пугают меня больше, чем *banditti*.

Доменико бросил на нее пристальный взгляд, а затем, отвернувшись, проговорил:

— Прости, я не смогу остаться в здешних краях, чтобы защищать тебя. Мне нужно на неделю или две уехать в Рим. *Anina mia*** , ты ведь останешься мне верна? Будешь любить меня, даже если мы никогда больше не увидимся?

Разговор при этих обстоятельствах продлился дольше обычного. Доменико провожал ее вниз по тропе, пока впереди не показалась деревня; на этом месте влюбленные остановились. Вдруг из миртовых зарослей

* Плащ (*ut.*).

** Моя Анина (*ut.*).

на берегу озера послышался тихий свист; Доменико вздрогнул и замер; свист повторился; Доменико засвистал в ответ. Испуганная, Анина хотела спросить, что это значит — но в этот миг он впервые прижал ее к сердцу, поцеловал в нежные губы и, прошептав: «*Carissima, addio!*»* — спрыгнул на берег, бросился бежать и исчез во тьме. В изумлении Анина вглядывалась во мрак — и скоро, когда в прогале меж тучами мелькнул лунный луч, увидела, как от берега отчаливает лодка. Девушка долго стояла в глубокой задумчивости, недоумевая и с острым наслаждением вспоминая быстрые объятия и страстное прощание своего возлюбленного. Она так долго не возвращалась домой, что отец вышел ей навстречу.

После этого каждый вечер при звуках «*Ave Maria*»** Анина поднималась к источнику — но Доменико больше не приходил. Неизъяснимые страхи теснили ее сердце; каждый день казался вечностью.

Прошло около двух недель, и семья получила письмо от Марии. Она писала, что болела малярийной лихорадкой, теперь поправляется, но для выздоровления ей необходим свежий воздух, так что она получила отпуск и собирается провести месяц дома, в Альбано, поэтому просит отца приехать и забрать ее на следующий день. Для Анины это была радостная весть: она решилась все раскрыть сестре и не сомневалась, что за время долгого визита сестра сумеет успокоить ее и утешить. Наутро старый Андреа уехал — и весь день нежная дева провела в мечтах о скорой радости. К вечеру отец привез Марию, исхудалую и бледную, со следами перенесенной тяжелой болезни; однако та заверила сестру, что теперь чувствует себя вполне здоровой.

* Прощай, любимая! (*ит.*)

** Имеется в виду колокольный звон, призывающий к вечерне.

Семья села за скромный ужин. Несколько соседей пришли повидать Марию; но все разговоры их были лишь о французских солдатах и о грабителях — банде по меньшей мере из двадцати человек, нынче, как рассказывали, окруженных в Рокка-Джоване и сидящих там в осаде.

— Французов стоит поблагодарить за доброе дело, — заметил Андреа, — наконец-то страна избавится от этих негодяев!

— Верно, дружище, — отвечал другой. — И все же страшно подумать, что они там терпят: еда-то у них, должно быть, давно на исходе, так что теперь они голодают. У них ни единой унции макарон не осталось, и тот бедняга, которого схватили и казнили вчера, был сущий скелет: все косточки можно пересчитать!

— А какая беда, — прибавил третий, — случилась с тем стариком из Неми, у которого, говорят, сын сидит теперь с ними в Рокка-Джоване! Его застали на окруженной территории с *bassalia**, спрятым под *pastrano*** , — и пристрелили на месте.

— Второй такой отчаянной банды, — снова заговорил первый, — не видали ни в «княжествах», ни в *regno****. Разбойники поклялись не сдаваться — и порешили выслеживать прохожих, захватывать их в заложники, а после торговаться с правительством и их головами выкупить себе свободу. Но французы безжалостны: они скорее допустят, чтобы ярость бандитов обрушилась на кого-нибудь из этих ни в чем не повинных бедолаг, чем пощадят хоть одного!

— Двоих бандиты уже схватили, — подтвердил другой. — Старая Бетта Тосси с ума сходит от страха: сын

* Соленая или вяленая треска (*um.*).

** Мужская верхняя одежда (*um.*).

*** Королевство (*um.*). Имеется в виду политическое и административное деление Италии в период Наполеоновских войн.

ее уже десять дней не появлялся дома, и она думает, что он попал в плен к разбойникам.

— А я так думаю, — заговорил один старик, — что сын ее и вправду у разбойников, вот только ушел к ним по доброй воле. Не зря этот бездельник повсюду таскался за Доменико Бальди из Неми!

— Худшей компании во всей стране не найти! — проворчал Андреа. — Этот Доменико — с дурного дерева дурная ветка! Он сейчас тоже в деревне с остальными?

— Точно так, я видел его там собственными глазами, — заговорил еще один крестьянин. — Я поднимался на холм — нес часовым яйца и кур, и вдруг вижу, закачались ветви падуба. Бедняга, должно быть, ослабел, не смог удержаться в своем укрытии и упал с дерева на землю. Все мушкетеры нацелились на него — но он вскочил и бросился бежать, петляя, словно заяц, между скал. Но один раз обернулся, и тут я ясно увидел, что это Доменико: исхудал он знатно, бедняга, это уж точно, и все же я разглядел и узнал его так же ясно, как сейчас... Santa Virgine!* Что такое с Ниной?

Анина лишилась чувств. Гости разошлись, а она осталась на попечении сестры. Придя в себя, бедняжка сразу все вспомнила и сообразила — и не вымолвила ни слова, кроме того, что хочет отдохнуть. Мария радовалась, что проведет долгий отпуск дома, и хотела бы вволю наговориться с сестрой, но теперь решила не тревожить больную: благословив ее и пожелав доброй ночи, она скоро уснула.

Доменико жестоко страдает от голода! Доменико суждено умереть голодной смертью — или погибнуть, пытаясь бежать! Это ужасное видение полностью овладело бедной Аниной. В иное время не меньшую боль причинило бы ей открытие, что ее возлюбленный — разбойник: но теперь эта мысль прошла почти незамеченной,

* Святая Дева! (ит.)